

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ОСНОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Кочepasова Анна Юрьевна

*аспирант кафедры социологии коммуникаций
и управления на базе администрации
Энгельсского муниципального района
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
имени Н.Г.Чернышевского
г. Саратов*

VALUE AND NORMATIVE ATTITUDES AS THE BASIS OF REPRODUCTIVE STRATEGIES

Kochepasova Anna

*post-graduate student of Sociology of
Communications and Management Department
on the basis of Engels Municipal District administration
Saratov State University
named after N. G. Chernishevskiy, Saratov*

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ ценностно-нормативных установок индустриального (советского) и постиндустриального (постсоветского) обществ. В заключении делается вывод о том, что нормативно-ценностные установки человека постиндустриального общества постепенно приводят к тому, что институт традиционной семьи отмирает. На смену ему приходят репродуктивные стратегии, в качестве идеала предполагающие партнерскую семью, свободные отношения (сожительство) или монородительскую семью. При этом, обладая значительной свободой, постиндустриальный индивид готов также полностью отказаться от сексуальной активности и рождения детей в пользу «жизни для себя».

Abstract

The article presents a comparative analysis of the value-normative attitudes of industrial (Soviet) and post-industrial (post-Soviet) societies. There is a conclusion that a person's value-normative attitudes in a post-industrial society gradually lead to the extinction of the traditional family institution. It is replaced by reproductive strategies where there is an ideal suggesting a partner family, free relations (cohabitation) or a mono-parent family. At the same time the post-industrial individual, having some *considerable freedom*, is also ready to completely abandon sexual activity and the children's birth in favor of the "life for himself."

Ключевые слова: индустриальное общество, постиндустриальное общество, ценностно-нормативные установки, репродуктивные стратегии, семья, традиция.

Key words: industrial society, post-industrial society, value-normative attitudes, reproductive strategies, family, tradition.

Определяя понятие репродуктивных стратегий, следует отделить его как от понятия репродуктивных установок (ориентаций), так и от более общего понятия репродуктивного поведения. На наш взгляд, репродуктивные стратегии отличаются от установок тем, что они представляют собой более или менее целостный план, в общих чертах определяющий специфику репродуктивного поведения. Репродуктивные установки, в свою очередь, являются ценностно-нормативным основанием, на котором базируются соответствующие стратегии. Установки могут иметь неосознанный характер и в силу этого репродуктивные стратегии формируются на основе того, что представляется индивиду очевидным. При этом важно учитывать, что ценностно-нормативные установки являются не природным феноменом, но представляют собой часть культурной традиции. Принимая это во внимание,

проанализируем различия в ценностно-нормативных установках индустриального (советского) и постиндустриального (современного российского) обществ.

Прежде всего, отметим различия в восприятии физического пространства и в отношении к нему. Если советское общество можно назвать пространственно закрытым, то современное российское является открытым. Это означает, что советский человек ощущал себя субъектом, принадлежащим определенной территории, в то время как современный россиянин чувствует себя гражданином мира. «Конец географии», провозглашенный П. Вирилио [1], повлиял на самосознание человека, превратив его в кочевника,номада, ищущего приключений туриста.

С принадлежностью человека определенной территории связана одна из доминирующих ценностей советского общества – ценность

коллектива и, в частности, семьи. В советской культуре создание семьи является важнейшим этапом жизненного пути индивида, без наличия которого данный путь представлялся неполным. Советская власть всеми силами боролась за сохранение семьи. Разводы и даже семейные ссоры выносились на обсуждение рабочего коллектива, по причине чего были достаточно редким явлением. При этом ответственность за «аморальное поведение», как правило, нес мужчина, в то время как «спасение» брака возлагалось на женщину: «Действительно, именно на женщин возложена роль моральных агентов, они спасают брак, следуя нормам традиционной морали. В послевоенные 1940-60-е годы в целом по стране количество женщин репродуктивного возраста почти в два раза превышало количество мужчин. Естественно, это сказалось на либерализации нравственных установок – более терпимому отношению к одинокому материнству и внебрачным связям, но не изменило ситуации отсутствия мужа как нарушение нормативности» [2, с. 283].

В противоположность этому постиндустриальная культура на первый план выдвигает ценность индивидуализма, в связи с чем особую значимость обретает «жизнь для себя» или «своя жизнь»: «Как было показано, категория «своя жизнь»/самореализация обозначает не столько построение карьеры и не относится к проблеме заработка. Она связана в нарративах респондентов с двумя [...] группами смыслов – постоянного/бесконечного развития и, в еще большей мере, желания освоить или хотя бы по возможности почувствовать многообразие сегодняшнего мира» [3, с. 96]. Если советский человек не представлял себе иной возможности самореализации кроме как в рамках коллектива, современный человек старается не связывать себя долгосрочными обязательствами, и стратегия создания традиционной семьи постепенно уступает место стратегии формирования либо партнерства (партнерская семья), либо свободных отношений (сожительства). Это особенно касается молодежи, по мнению исследователей стремящейся к свободному самовыражению посредством культуры и зачастую отрицающей устаревшие по ее мнению социальные институты: «Молодежь ищет пространства для культурного самовыражения, а государство различными способами продолжает навязывать ей политические идентичности. Самые важные изменения происходят, на мой взгляд, не в политической, а в культурной борьбе: в области перераспределения права на культурное доминирование, содержание (мотивация, направленность) современных молодежных «протестов» связаны не с политической, а с культурной властью» [4, с. 152].

Параллельно с процессом культурного самовыражения мы наблюдаем в молодежной среде и процесс отказа от традиционных культурных ценностей. Некоторые исследователи считают, что

по количеству нарушений нравственных заповедей ("не убий", "не укради", "почитай родителей", "не отчаивайся") можно ретроспективно судить о степени повреждения духовной сферы общества: «Единицами измерения способны служить данные официальной статистики о проступках, которые считаются нарушением перечисленных моральных норм: убийства, грабежи, брошенные родители или дети, самоубийства и др. Там, где социальные аномалии встречаются чаще, уровень духовного неблагополучия выше» [5].

На настоящее время наибольший интерес исследователей вызывает «поколение Z», т.е. молодые люди, родившиеся, начиная с 1995 г. На основании социально-демографического исследования, охватившего территории Российской Федерации и ближнего зарубежья, авторы делают следующие выводы: «Представители «поколения Z» обнаруживают отличия иерархии ценностных предпочтений от системы ценностей предшествующих поколений. Наиболее характерной для них является приоритетность самостоятельности и независимости, на уровне нормативных идеалов определяющая направленность на ценности «самовозвышения», на уровне индивидуальных приоритетов – открытость к изменениям. Значимость уважения традиций занимает в их ценностной иерархии последнее место на обоих уровнях» [6, с. 61]. Авторы справедливо отмечают, что расположение выявленных ценностей в иерархии будет зависеть от множества факторов (региона, национальности респондента, его отношения к религии и т.п.). Обратим также внимание на то, что значимость уважения к традициям находится у представителей «поколения Z» на последнем месте. Для данного исследования это означает, что на последнем месте находится и традиционная семья с четко распределенными в ней мужскими и женскими обязанностями.

В советской культуре семья являлась ценностью не сама по себе, но при условии наличия в ней одного или более детей. Классики марксизма прямо указывали на то, что семья – это такое же производство, как производство идей или материальных благ: «Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это – отношение между мужем и женой, родителями и детьми – семья» [7, с. 19]. Не связывая себя долгосрочными обязательствами, современный человек не усматривает в детях особой ценности, по причине чего во многих странах набирает силу движение «child free». Благодаря обретению пространственной свободы, возможностей самореализации вне коллектива и развитию медицинских технологий, постиндустриальный человек получил и возможность как можно дольше «пожить для себя», в связи с чем рождение ребенка зачастую либо

откладывается на неопределенный срок, либо не реализуется вообще.

Отметим, что медицинские технологии дали постиндустриальному субъекту возможность значительно продлить срок своей молодости (как во внешнем облике, так и в психологическом самоощущении). Одним из достижений постиндустриального общества является то, что молодость теперь не зависит от биологического возраста: «Сама для себя из молодости я еще не вышла и, полагаю, не выйду еще некоторое время. Слишком уж привлекателен растиражированный и уже устоявшийся образ молодости [...]». Безусловно, тезис о разрушении «ассоциации между молодостью и возрастом» ныне вполне справедлив» [8, с. 457-458]. Ощущая себя молодой и свободной, современная женщина при желании может осуществить любую репродуктивную стратегию, в том числе и монородительскую (стратегию «матери-одиночки»), особенно при наличии достаточного уровня материальной обеспеченности.

Тот факт, что на место ценности производства в постиндустриальном обществе приходит ценность потребления, не подлежит сомнению. Это столь же верно, как и то, что на смену советскому аскетизму приходит постсоветский гедонизм. Отмеченный ценностный сдвиг приводит в итоге к тому, что индивид сам становится ребенком, пользующимся плодами чужого труда и не нуждающимся ни в собственных детях, ни в интимной близости как таковой. Помимо движения «child free» в ряде стран (в том числе России) постепенно развивается движение, представители которого осуществляют полный отказ от сексуальной жизни.

В заключении следует сделать вывод о том, что нормативно-ценностные установки человека постиндустриального общества постепенно приводят к тому, что институт традиционной семьи отмирает. На смену ему приходят репродуктивные стратегии, в качестве идеала предполагающие партнерскую семью, свободные отношения (сожительство) или монородительскую семью. При этом, обладая значительной свободой, постиндустриальный индивид готов полностью отказаться от сексуальной активности и рождения детей в пользу «жизни для себя».

SOCIAL KNOWLEDGE: THE AMBIVALENCE OF DEVELOPMENT MODELS

Mamedov Agamali Kulamovich

*doctor of Sociological Sciences, professor
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia*

[DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.275](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.275)

Annotation

The article declares the position of dissensus and consensus as basic models for the development of social sciences. The demarcation of natural sciences and social sciences is carried out. Attempts are being made to identify the features of "acceptance" by the scientific community. The article analyzes L. Laudan's concept of consensus in modern social knowledge.

Keywords: dissensus, consensus, convention, epistemology, agreement, foundation, scientific communication.

Литература:

1. См. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио/ - М.: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 192 с.
2. Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950-60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки/ Е. Жидкова // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. – М.: ООО «Вариант», ЦСПИ, 2008. С. 283.
3. Забаев И. «Своя жизнь», образование, деторождение: мотивация репродуктивного поведения в современной России/ И. Забаев// Вестник общественного мнения. № 3 (105). 2010. С. 87-97. С. 96.
4. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности/ Е.Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. Т. 4. № 2. 2006. С. 152.
5. Гундаров И. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа/ И. Гундаров. – Электронный ресурс. Режим доступа: http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/dukhovnoe_neblagopoluchie_i_demograficheskaja_katastrofa/2-1-0-127
6. Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты/ М.С. Яницкий, А.В. Серый, О.А. Браун, Ю.В. Пелех, О.В. Маслова, М.В. Сокольская, Р.Д. Санджаева, А.Р. Монсонова, С.Б. Дагбаева, Ю.Ю. Неякина, Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46-67. С. 61.
7. Маркс К. Немецкая идеология/ К. Маркс, Ф. Энгельс – М.: Партиздат, 1934. С. 19.
8. Бредникова О. Там же. Бредникова О. «Старородящая» молодая мать (институциональные игры с категориями возраста)// Новый быт современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 456-472. С. 457-458.